

яблока
так приезжай
я расскажу Тебе всё
до ноября

задуй свечу
используй каждую искру,
моя озябшая
это странно —
такая Земля
а дрожит как лист

а потом
завёрнутая
в декабрьский взрыв света
в самую длинную ночь как конец
и встречу Нового
в отчаянии плоти
потому что Новый
в действительности
приходит весной

тогда самые сильные морозы
ничто против белого солнца
тихо шагающего вверх
и в глубину
я снова изучаю Твой словарь
в любом месте даже
не убегай!

апрель, май и июнь
эта странная слабость
но с надеждой
горит слабая бледность
и дальше ты уже чувствуешь всё
вместе

Твоё по всему небу
колесо времени продолжает
двигаться с той же скоростью
но уже с меньшей силой
Ты солнце в спицах
даже через закрытые веки

ЭМАНУЭЛА, ЛЕТО

Эмануэла села в чёрный мерседес
с серебряными колёсами
и красной окантовкой

восхищение и отвращение
отразились на лицах зрителей
и были они обязательным
приложением к её лимонно-жёлтой
блузке
и красным шёлковым штанам
лебединой шее и её изящной головке
которую ты нежно брал в свои руки
в первой фазе прелюдии
она утонула в пуховой спинке кресла
даже если бы кто-то хотел выстрелить
и было несколько таких ещё
не обнаруженных
то не попал бы

Эмануэла уверенно и спокойно
вела машину
внутренняя жизнь Эмануэлы
созревала
как хлебные поля по обе стороны
чёрного асфальта
в который чёрный мерседес
в сумерках
слился бы с горизонтом
если бы не эта красная окантовка
на колёсах

так что я должен был позвонить ей
и не зря

Вермеер всё ещё ревновал

К ОТЪЕЗДУ АННЫ

мы не встречались
ты пришла

из-под опущенных век
от сжатых губ

веяло холодной наготой

я долго натирал

я заботился о тебе как о коте

по соседству

кормил словами каждый день

погладил взглядом

да и не только

так часто как ты хотела

потому что именно женщина

диктует ритм

желания

ходит с луной под мышкой

и её ноги — трава

я был чижом на твоей

протянутой руке

и листком настурции в горшке

на подоконнике зеркального окна

чтобы у тебя было что ласкать

в момент внезапного раздумья

полёта в космос

я всегда здесь

а ты, Анна, где-то

ДЕКАБРЬ 2020

стук дней

стук часов и минут

люди и события за окном

так близко

но не на коленях

не в пластиковой кофейной чашке

не в голове

но и эта уверенность в цели

далёкой как световые годы

я читаю

не понимаю

не понимаю но читаю

каждый год повторённый

несколько раз

как перед экзаменом

может это снова сработает

ПИШУ ИСТОРИЮ ЛИТЕРАТУРЫ

я могу говорить о них и писать

всё что они хотят

и не потому что сегодня никто

ничего не слушает

и ничего не читает

то что делали стало неважным

то что писали — трудно читать

а хотелось бы получить

хотя бы один звонок с жалобами

чтобы хотя бы один обиделся

(похвал я никогда не любил)

книги желтеют и отягощают

трудный доступ к ним

серьёзные дамы в роговых очках

берегут их как зеницу ока

так много слепых глаз

зачем

* * *

Бедные, старые поэты цепляются

за жизнь

написав мудрые стихи

они забыли, что поэзия это

не мудрость

они также не знают

она мало знает, хотя многое

понимает

и можно много говорить о ней

и никогда не будет конца

я встретил философа, который

настаивал на написании стихов

бедный, глупый философ

бедная, мудрая философия

бедные, старые поэты

цепляются за бумагу

их хрупкие пальцы

в пергаментной коже с синими

прожилками

они выглядят как белые гусеницы
на здоровой коричневой коре ствола
одного из многих стволов-дней

плота жизни
бедные, старые поэты забывают,
что едят
едят и едят

ЛЕТО

сегодня мои родители снова
открыли окно дня
вставай — сказали они
и ещё другие слова которые
говорят в таких случаях
почти литургических

далёкие пространства
кружились как облака над моей
кроватью
солнце прикосновения и слов
взгляды, звуки и жесты
из всех мест и времён в этом едином
мгновении...
и даже очень далёкий шум льющего-
ся в кружку молока
и даже ледяной хруст сгребаемого
снега хоть и было лето

было только лето!
такое без крупы — как серая пыль
— времени
открытое для всего космоса

ИЗ ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

сравнение мгновения с зерном
это ошибка
может не такая и логичная
как насчёт уже подзабытой
естественной истории
этих лягушек в формалине
и этих лягушек в луже

из зерна течёт река
стеблей, стволов, вьюнков, веток,
листьев

несомненно и цветов
и через мгновение
эта река
прошлых времён и дел
смыкается
но тоже бурлит тревожно

мгновение похоже на то
что уже было
смесь хорошо известных препаратов
кроме этого крошечного ростка
лягушки, которая квакает вечером

ЖЕНЩИНЕ С ДРУГОЙ СТОРОНЫ

ты снова проснулась
снова
как пятнадцать лет
и шестьдесят семь дней назад
с тех пор как он взял и ушёл
ты открываешь занавеску
и смотришь на улицу
она ещё есть или нет

вы
вместе поглощаете своё время
которое против вас
(у тебя всё больше морщин
и всё отвратительнее тучность
и тротуары трескаются
мостовая стирается)
вы подходите друг другу
и вы такие будничные

* * *

я бы очень хотел
чтобы ампутировали мои повсед-
невные дела
и необычные
которые происходят каждый день

говоришь, что сделаешь то и это
просто говоришь...
Я бы хотел, чтобы мне ампутировали
руки и ноги,
которые всё ещё хотят что-то делать
и куда-то идти
и голову бы мне ампутировали
прежде всего
эти мысли...
сесть где попало
посреди тротуара
в кабинете министра
в своём, твоём доме
и просто сидеть там

ЖАДНОСТЬ К ВЕЩАМ

самое большее что могу сказать
о квартире
такие дети строят для кукол
и когда они слишком верят
в этот домик
сами — не зная — становятся
куклами
жадность к вещам неумолима —
вписанное в вещи требование
инструкции по применению
берёт нас за руку
и провожает дальше

ДОГОВОР О БРОДЯЖНИЧЕСТВЕ

всё чаще я должен смотреть в окно
и бродить по полям
даже если это просто свалка у реки —
серость в зелени,
вода в своей глубине

это пространство внутри меня
растёт

ах, не тишиной, это было бы
слишком хорошо
а свистом ветра и шелестом листьев
иногда даже шумит солнце
в кармане жилета
я иду как будто мимо звёзд
словно мимо камней
словно проходя по чёрным
водам ночи
и полуденным пустыням

Бог во мне
потому что я всё ещё иду
Бог зовущийся жизнью
со мной идёт

я ещё не крот
я всё ещё на поверхности

СТЕНА

окна открываются ежедневно
у них ещё есть свои горизонты
иногда ближе, иногда дальше
разноцветные и серые
иногда туманный горизонт
проходит прямо под глазами
хорошо что это просто туман
так что можно идти даже вслепую
и верить

я хорошо знаю, что как-то днём
ни солнечным ни облачным
а может это будет ночью
за окном моих шагов
стена

*Авторизованный перевод с польского
Игоря Елисеева*